

Д. В. Бугров

**СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ РУССКОГО
КОНСЕРВАТИЗМА КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.
В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ С.Ф. ШАРАПОВА
(ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Проблема идентификации исторического опыта и перспектив развития России на протяжении по меньшей мере трех веков постоянно привлекает внимание мыслителей и общественных деятелей, становится все более и более публично обсуждаемой. Рубеж тысячелетий с особой остротой отразил непреходящую актуальность гоголевского вопроса о том, куда несется русская «птица-тройка». В хоре голосов, отстаивающих ту или иную альтернативу грядущего, слышатся и ностальгические ноты почвеннических тонов. Частичный ренессанс неославянофильской парадигмы порожден целым рядом причин, анализ которых не является целью автора данной статьи — эти причины слишком хорошо известны. Сама же история эволюции неославянофильских идей заслуживает более пристального внимания, так как до сих пор не получила сколько-нибудь полного освещения ни в исторической, ни в философской литературе.

Среди наиболее заметных представителей этого самобытного направления отечественной социально-политической мысли рубежа XIX–XX вв. наиболее видное место занимает Сергей Федорович Шарапов (1856–1911), дворянин, публицист, экономист, редактор-издатель «Русского дела», «Русского труда» и «Сеятеля». Характерно, что даже такое претендующее на полноту и фундаментальность издание, как энциклопедия «Политические партии России»¹, не содержит какой-либо информации о деятельности человека, оставившего заметный след в острейших дискуссиях по поводу исторических перспектив и опыта страны. Нет упоминаний о С.Ф. Шарапове и в хорошо известной специалистам монографии С.А. Степанова, посвященной развитию консервативно-монархического движения в России². Один из руководителей московской организации Союза русских людей, последовательный критик проводимой С.Ю. Витте денежной реформы, безуспешно отстаивавший биметаллический стандарт рубля, имевший собственный взгляд на суть крестьянского вопроса и проблемы дворянского землевладения, автор многочис-

ленных научных монографий и статей, публицистических опусов, брошюр, речей и писем, литературных произведений остался практически вне поля зрения историографии социально-политической истории России конца XIX – начала XX в.

Между тем масштабность фигуры С.Ф. Шарапова подтверждает тот факт, что на его смерть в 1911 г. большим некрологом, помещенным в «Русской мысли», откликнулся знаменитый либерал П.Б. Струве, которого трудно заподозрить в симпатиях к позднепочвеннической парадигме. В «Дневнике» А.С. Суворина С.Ф. Шарапов упоминается неоднократно. В ноябре 1897 г. издатель влиятельнейшей в России газеты «Новое время» встретился с министром внутренних дел И.Л. Горемыкиным, выразившим солидарность со статьей С. Шарапова в «Русском труде»³. Справедливости ради отметим, что в последние десятилетия некоторые историки (например, Б.В. Ананьич, Р.Ш. Ганелин, В.Я. Гросул, Е.А. Дудзинская, П.А. Зайончковский, Ю.Б. Соловьев) упоминают о С.Ф. Шарапове в различных контекстах, однако не подвергали внимательному рассмотрению ни политические, ни экономические, ни религиозные воззрения постоянного автора «Русского труда», «Нового времени», «Русского дела», «Промышленного мира», «Руси», «Свидетеля» и других периодических изданий последних десятилетий империи, ни его разноплановую практическую — от агротехнической до политико-организационной — деятельность. Исключение составляют опубликованные в 1990-х гг. работы М.Ю. Конягина, где взгляды С.Ф. Шарапова на кредитно-финансовую систему, состояние промышленности и сельского хозяйства России и, в меньшей степени, его социально-политическая доктрина составляют непосредственно предмет исследования⁴.

Активисты Союза русского народа полагали себя наследниками славянофилов: «Если бы были живы апостолы славянофильства Хомяков, Аксаков и другие, с одной стороны, и Катков, граф Толстой, с другой стороны, то все они были бы в наших рядах»⁵. Сам С.Ф. Шарапов, по видимому, рассчитывал «не на второстепенное место сзади Аксакова и Каткова, а на почетнейшее место в русском пантеоне, наряду с великими мыслителями: Хомяковым, Константином Аксаковым, Юрием Самариным, Данилевским»⁶.

В канун Русско-турецкой войны 1877–1888 гг., когда в России наблюдался ренессанс славянофильства, С.Ф. Шарапов в полной мере разделял панславистские настроения части русского общества и пытался осуществить их на практике. В 1875 г. он отправился добровольцем в Боснию и Герцеговину, чтобы способствовать освобождению южных славян от турецкого владычества. Уже в 20-летнем возрасте проявилась одна из главных черт его беспокойной и творческой натуры — энергич-

ная приверженность одной навсегда избранной идее, последовательность и напористость в стремлении реализовать эту идею на практике.

С.Ф. Шарапов, размышляя над судьбами русского крестьянства, не желал ограничиться теоретическими изысканиями в библиотечной тиши и кабинетном комфорте. Стремясь достичь успехов в развитии отечественной агротехники, он основал в своем имении Сосновка Смоленской губернии мастерскую по производству оригинальных сельскохозяйственных орудий, которые сам же и конструировал. Шараповские плуги нашли спрос во многих хозяйствах и получили признание на ряде конкурсов: они были и дешевле, и надежнее плугов других производителей, поскольку их создатель учитывал специфику процесса обработки земли в различных районах империи и разрабатывал специальные модификации своих изделий для почв конкретных местностей. Характерный факт: финансовое ведомство, нещадно критиковавшееся Шараповым за монометаллизм и политику «открытых дверей», предоставило ему крупную субсидию на развитие мастерской⁷.

Как только весной 1896 г. российское общество узнало о предстоящей денежной реформе, С.Ф. Шарапов принялся последовательно защищать концепцию золотосеребряного стандарта национальной валюты и обосновывать преимущества кредитного рубля, доказывая, что экономика страны адаптировалась к нему оптимальным образом, поскольку он способствует развитию отечественных производителей, удорожая иностранные товары, и росту хлебного экспорта, внося во внешнеторговые операции элемент азарта⁸. По убеждению Шарапова, финансисты-реформаторы разрушили старую систему кредитно-денежного обращения, не обеспечив сельское хозяйство достаточными оборотными средствами и тем самым помешав реорганизации на новых принципах взаимоотношений между помещиками, крестьянами и государствам. С его точки зрения, оптимальное решение проблемы заключалось в удовлетворении денежного голода промышленников и землевладельцев (как помещиков, так и крестьян) посредством контролируемого монархом выпуска бумажных денег. При этом С. Шарапов признавал, что эти деньги нуждаются в определенном металлическом фундаменте — серебряном или биметаллическом, но никак не в золотом, так как следование золотому стандарту, по его мнению, неминуемо приведет к губительной для России зависимости ее экономики от иностранного капитала. Аргументы Министерства финансов в пользу золотого стандарта (перепроизводство серебра и обвал его цены на мировом рынке) С.Ф. Шарапов и его сторонники П.В. Оль и Г.В. Бутми не принимали во внимание, т.к. полагали, что России как стране-импортеру придется расплачиваться золотом и за ввозимые товары, и за получаемые займы, что вызовет постоянное сокращение количества денег в национальном обороте и приведет к необходимости

все новых и новых займов, увеличивая выплату общих процентов по ним. Пытаясь предотвратить эти явления, С. Шарапов разработал непосредственно для бумажных денег «теорию мнимых капиталов». Главный акцент в предложенной им финансовой программе был сделан на регуляции денежного обращения. Особое внимание консервативный экономист уделял созданию и поддержанию общегосударственной кредитно-сберегательной системы, которую он характеризовал как кровеносные сосуды государственного организма. При этом С. Шарапов подчеркивал, что технический контроль за правильным использованием кредитов должен осуществляться квалифицированными работниками банковского аппарата, действующими в интересах государства⁹.

В письме К.П. Победоносцеву от 22 сентября 1901 г. С.Ф. Шарапов рекомендовал могущественному обер-прокурору Святейшего синода освободить С.Ю. Витте от руководства Министерством финансов, заменив его профессором М.М. Ковалевским, П.Х. Шванебахом, 26-летним П.В. Олем. Свое мнение С. Шарапов сообщил Николаю II в Дармштадт, причем «получил за это высочайший выговор»¹⁰, но от выпадов против Витте не отказался и в дальнейшем яростно боролся против него, до самой отставки последнего с поста председателя Совета министров. Активная политическая позиция С. Шарапова в этот период проявилась в его деятельном участии в создании в феврале 1905 г. и дальнейшем развитии Союза русских людей — правой организации, членом исполнительного совета которой он являлся¹¹. 29 июля 1905 г. в телеграмме Николаю II С.Ф. Шарапов пытался убедить императора в допустимости любого безопасного для режима варианта представительства. В качестве таких вариантов редактор «Русского дела» рассматривал учет мнений земских деятелей, пополнение ими Государственного совета, даже созыв Земского собора в Москве; «самый же неудачный и опасный способ», по его мнению, являл собою «созыв в космополитическом и чуждом России Петербурге народного представительства в форме постоянного хотя бы только совещательного учреждения»¹². Шарапов патетически обратился к царю: «В наши дни всеобщей смуты уже самые выборы ввергнут Россию в пучину политической агитации, а собравшийся многочисленный состав выборных будет неминуемо увлечен на борьбу и в самое короткое время под давлением печати и криков интеллигенции произведет государственный переворот, как это было во Франции, и вырвет из Ваших рук скипетр самодержавия»¹³.

Тем не менее полмесяца спустя, т.е. уже после появления манифеста 6 августа с известным предписанием министру внутренних дел А.Г. Булыгину, С.Ф. Шарапов с энтузиазмом отзывался о проектируемой булыгинской Думе, полагая, что императору удастся мобилизовать все православное население и с его помощью ликвидировать отчуждение

между властью и народом, обуздать бюрократию, происходившую, по его мнению, из рядов космополитической интеллигенции и буржуазных верхов¹⁴.

С.Ю. Витте не оставил без внимания попытки С.Ф. Шарапова воздействовать на высочайшее мнение. Не без оснований полагая, что группа консервативных деятелей (контр-адмирал А.М. Абаза, И.Л. Горемыкин, граф А.П. Игнатьев, А.С. Стишинский, Б.В. Штюрмер) мастерски интригует против него, С.Ю. Витте в письме императору отметил, что упомянутые оппоненты «предпочитают действовать и распространять всякую ложь из-за кустов в петербургских гостиных и посредством преданной им прессы». Этими «литературными агентами» своих противников С. Витте считал С.Ф. Шарапова, В.А. Грингмута и профессора Б.В. Никольского¹⁵. Позднее, после своей отставки, С. Витте признал записки С.Ф. Шарапова, передававшиеся императору через министра двора, «очень умно написанными», а их автора квалифицировал как «человека большого таланта и довольно слабой морали»¹⁶. Показательно, что именно С.Ю. Витте в свое время испросил у Николая II аудиенцию для своего оппонента, который с успехом продемонстрировал императору в Царском Селе свои удивительные плуги¹⁷.

Добившись долгожданного ухода С.Ю. Витте с политического олимпа, С.Ф. Шарапов с удвоенной энергией занялся разъяснением смысла самодержавной формы правления, доказывая ее преимущества в сравнении с другими формами — республиканской и конституционно-монархической. На Третьем Всероссийском съезде русских людей, состоявшемся 2–7 октября 1906 г. в Киеве, он обозначил свое отношение к парламентаризму: «Государственная дума оказалась не государственным установлением, а сборищем бесноватых людей, разрушителей России... Ложная идея ничего дать не могла; парламентаризм отцветает и на Западе, где все стонут под его игом... Экстракт в 500 человек из 140 миллионов всегда будет абсурдом... Русское общество излечится от мечты о западноевропейских обносах». В речи по поводу закрытия съезда С.Ф. Шарапов, благодаря киевлян за организационные хлопоты, высказал предположение, что в будущем именно Киеву суждено стать столицей России и всего славянства¹⁸.

Первую русскую революцию и социальную активность пролетариата С.Ф. Шарапов квалифицировал в 1907 г. как смуту, характеризуя феномен социальной активности пролетариата следующим образом: «Пользуясь растерянностью и скудоумием власти, [пролетариат] устраивает в России пугачевщину и готов взять за горло все, ему сопротивляющееся, все культурное, спокойное, просвещенное. При этом полное отсутствие какого бы то ни было намека на патриотизм, стремление к неслыханному самовластию...»¹⁹.

Наиболее отчетливо его взгляды нашли отражение в работе «Самодержавие или конституция», изданной в 1908 г. в стародавней славяно-фильской цитадели — Москве. Тем самым С.Ф. Шарапов перенял эстафету у таких видных идеологов монархизма, как Л.А. Тихомиров, выпустивший в 1905 г. в Москве знаменитую «Монархическую государственность», и Г.А. Щечков, опубликовавший в 1906 в Харькове свою «Сущность самодержавия».

На V Съезде объединенного дворянства, проходившем в феврале 1909 г., С.Ф. Шарапов взволнованно критиковал реформаторский курс правительства П.А. Столыпина: «Я живу в типичной местности средней России и замечаю вокруг себя понижение благосостояния в ужасающих размерах... Достаточно проехать по российским железным дорогам из конца в конец и посмотреть просто бегло на внешний вид деревень... Падение является страшными признаками, и в это время говорят о благосостоянии неимущей страны»²⁰. Главного виновника этого вырождения С. Шарапов видел все в том же поверженном правыми С. Витте, который, по его убеждению, способствовал нарастанию экономических диспропорций и модернизационных деформаций, поскольку «...чрезвычайно широко раздул промышленность, поднял громадные отрасли, вызвал огромные цифры производства, бросил население с земледелия в каменно-угольные шахты и на фабрики, развил всевозможные виды промышленности»²¹. Отметив, что «...слишком поредели ряды дворянства, слишком плохо эти ряды пополняются», С.Ф. Шарапов обозначил перспективу дворянства так: «Дворянство должно привлекать к себе все, что является выдающимся среди населения по своим талантам, по своим способностям, но главное — по нравственной высоте своей работы». Сложилась парадоксальная ситуация: «в некоторых уездах... дворянство есть единица захудалая, едва держащаяся, которая поглощена борьбой за существование настолько, что у нее на общественное дело не хватает ни времени, ни средств», тогда как «рядом с этим мы видим частных владельцев из других сословий, которые стоят на высоте, производят огромную работу, но по своим ограниченным правам эти господа лишены возможности быть на той высоте, на которой бы им быть надлежало». Для исправления положения Шарапов предложил ограничить приток в дворянское сословие выходцев из бюрократических структур и предоставить местным дворянским обществам право, «находя среди жителей своего уезда людей, резко выделившихся своими бескорыстными заботами о благе населения», ходатайствовать о пожаловании их дворянским званием²².

Будучи одаренным публицистом, С.Ф. Шарапов не мог не попробовать свои силы в литературе. Он, как и многие его современники (в т.ч. и из числа политических оппонентов), обратился к жанру социокультурной утопии и с помощью утопических конструкций попытался систематизи-

ровать и завершить свои представления об идеальном государстве, о наиболее приемлемом для России историческом пути, о перспективах монархии и православия в огромной стране. Этот аспект деятельности С. Шарапова, лишь в малой степени известный даже специалистам — как историкам, так и литературоведам и философам, — требует детального рассмотрения и уточнения, ибо анализ утопий, рожденных фантазией незаурядной личности, позволяет оценить всю масштабность неославянофильской парадигмы с присущими ей притягательностью для русского сознания и противоречивостью практических рекомендаций. Из-под пера С.Ф. Шарапова в 1902–1909 гг. вышло пять произведений, причем лишь первое было опубликовано в его многотомных Сочинениях, издававшихся в 1900–1904 гг., остальные четыре книги вышли под псевдонимом Л. Семенова²³. И хотя сам автор претенциозно называл свои творения романами, небольшой объем (от 30 до 80 страниц) позволяет скорее считать их повестями либо даже рассказами.

Наибольшую ценность для реконструкции неославянофильского социально-политического идеала представляет первый из упомянутых выше «романов» — «Через полвека», увидевший свет в 1902 г. и содержавший своеобразный консервативно-монархический ответ на вызов американского социалиста Э. Беллами, эпатировавшего и заинтриговавшего российскую интеллигенцию в 1888 г. своим утопическим романом «Через сто лет» (так роман именовался в русском переводе, англоязычный же оригинал носил иное название («Взгляд в прошлое» или «Взгляд назад»). Произведение Э. Беллами было необыкновенно популярно в России; по свидетельствам современников, его роман стал настольной книгой русских революционеров наряду с «Что делать?» Н.Г. Чернышевского, «Оводом» Э. Войнич, «Спартак» Р. Джованьоли²⁴. С.Ф. Шарапов спешил предупредить наступление социалистического «будущего по Беллами» (потому-то его литературный проект переносит читателя не на 100, а на 50 лет вперед) и искренне обозначил свою цель: «Я хотел в фантастической и, следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы осуществленную. Это служило для нее своего рода проверкой. Если программа верна, то в романе чепухи не получится... Я хотел только показать, что могло бы быть, если бы славянофильские воззрения стали руководящими в обществе и правящих сферах»²⁵.

Погрузившись 25 июля 1899 г. при помощи молодого ученого-индуса в излюбленное состояние большинства русских утопистов — сон, герой романа С. Шарапова проснулся 7 октября 1951 г., «пролежав пятьдесят один год и два месяца под землей на кладбище одного из московских монастырей»²⁶. Открывая для себя Россию будущего, герой знакомится с

тем, что же произошло на российских просторах за время его глубокого сна. Он выяснил, что в начале XX в. страна пережила депрессивный период, связанный с усилившейся бюрократической реакцией против земства: земские органы сначала устранили, а затем ввели вместо них административные советы из лиц, назначаемых губернаторами. Следствием этого стало «удушие неслыханное», парализовавшее жизнь провинции и обозначившее конец петербургского периода русской истории. Зарубежные олигархи-космополиты, и в первую очередь Ротшильд, «в руках которого фактически находился регулятор государственного кредита России», воспользовались кризисной ситуацией в Российской империи и, используя рычаги финансового давления, добились отмены черты еврейской оседлости. Евреям было разрешено «покупать земли в селениях, сначала в ограниченном размере и по особому разрешению местных властей, затем без всякого ограничения», они получили возможность свободно поступать в высшие учебные заведения, служить в армии на офицерских должностях, переполнили университеты и юнкерские училища, «стремительно расселились по России, скупая дома, земли, основывая фабрики, заводы, газеты, агентства и конторы»²⁷. Ответом на эту экспансию стало «народное возбуждение», выражавшееся в погромах и прочих беспорядках. В 1922 г. несколько высших чинов генерального штаба (как легко догадаться, далеко не русского происхождения) были уличены в шпионаже в пользу иностранных держав и казнены. В 1924 г. правительству пришлось издать «распоряжение, в силу которого евреи впредь не должны были иметь доступа в главный штаб, артиллерию и инженерные войска». Европа протестовала против возврата к дискриминации по национальному признаку в России, но «кроткий и незлобивый русский народ был раздражен до такой степени еврейской эксплуатацией, что доходил в отдельных случаях до неслыханных зверств». Центральная власть оказалась не в силах «справиться с обострившимся до последних пределов еврейским вопросом». Лишь великая финансовая катастрофа, разразившаяся во второй половине 1920-х гг. и освободившая Россию от диктатора иностранных биржевых кругов, остановила надвигавшуюся катастрофу и способствовала национальному возрождению русского народа²⁸.

И все-таки возрождение России состоялось, и именно из провинции пришло спасение — в лице гениального Федота Пантелеева, назначенного министром внутренних дел. Этот «простой маленький дворянин, совершенно незнатный», родом из Самарской губернии, провел впечатляющую реорганизацию государственной жизни. Реформы, инициированные им, возродили Россию. Как оказалось, «довольно было с высоты Престола раздаться давно желанному призывному, живому и бодрящему слову, чтобы все сразу ожило»²⁹.

«Восстановление прихода, воскрешение органической жизни на месте мертвого бюрократического механизма, — так определяет Шарапов результат прогнозируемого преобразования страны и продолжает: — Оживший приход дал новую жизнь земству; а раз земство ожило, обновилась и вся жизнь в России». Торжество «национальных начал и консерватизма» привело к безоговорочному поражению «космополитов, либералов и гуманистов»³⁰.

«Россия для русских!» — этот лозунг, по мнению автора «Через полвека», восторжествовавший к середине XX столетия, означал, что «историческая дорога наша — не что иное, как гармоническое сочетание самоуправления и самоуправления»³¹.

Принцип самоуправления, по мнению С. Шарапова, должен найти оптимальное воплощение в деятельности обновленного церковного прихода, который, еще в 1910 г. став низшей земской и городской единицей, со временем превратился в подлинный фундамент общества. В приходских домах регулярно проводятся собрания, священники являются выборными — ими, согласно воле прихожан, становятся самые ученые, образованные и авторитетные члены общества. Именно приходу подчиняется местная полиция. Повсеместно открываются приходские склады, мастерские, магазины, через приходскую казну финансируются мероприятия по развитию управляемой приходом территории и осуществляется кредитование населения. «Металлические деньги лет двадцать как вышли из употребления вовсе. Их теперь нет нигде, разве в музеях, — рассказывает житель Москвы середины XX в. — Теперь даже и бумажные деньги становятся редкостью. У каждого из нас есть открытый счет в приходской казне, а в кармане — чековая книжка»³².

Помимо священника, важную роль в жизни прихода как органа самоуправления играют приходской голова и приходские уполномоченные, избираемые независимо от своей сословной принадлежности. К примеру, в том приходе, с деятельностью которого ознакомился герой С.Ф. Шарапова, священник был крестьянином, владевшим столярной мастерской, дьякон — «родовитым князем и даже Рюриковичем», голова — уездным предводителем дворянства, переехавшим в Москву³³. Местное самоуправление осуществляется на принципах всесословности, но С. Шарапов, по понятным причинам, особое внимание уделяет трансформации, произошедшей с дворянством: «Теперь дворянство не высидишь в канцелярии — это время прошло. Теперь дворянство дается лишь за действительные заслуги Царю и Родине, а не за продырявление казенных стульев». Чины, введенные Петром I, отменены; упразднены баронства и графства, поскольку печальный опыт предшествовавшего времени показал, что их скупили те же инородцы и иностранцы. Зато восстановлено боярство — почетный боярский титул дается самым авторитетным

дворянам и означает высшую степень государственного и общественного признания³⁴.

Приходская реформа сопровождалась восстановлением земства. Уездное земство организуется из выборных от приходов и управляет уездом. Восстановлено и «древнее каноническое избрание епископов», в каждом уезде учреждена епископская кафедра. «Церковное управление само собою слилось с земским, — отмечает Шарапов. — Уезд стал епархией, земское собрание — епархиальным советом». Губернии упразднены: «При огромности, прямо необъятной, русской территории, чтобы Государь мог во всей силе и полноте проявлять свою самодержавную власть, ему можно иметь дело лишь с очень крупными земскими единицами, и такую единицей была принята *область* (здесь и далее в цитатах курсив автора. — Д. Б.)»³⁵.

Во главе области стоит областной начальник, или наместник, непосредственно назначаемый верховной властью. В полной независимости от него находится другое влиятельное лицо — областной предводитель дворянства, избранный уездными дворянскими предводителями. Наместник и предводитель дворянства «по всем делам области докладывают Государю совместно». Областной предводитель дворянства, помимо этого, является еще «по праву председателем областного земского собрания, которое состоит из гласных, выбранных уездными земствами по одному от уезда, и из всех уездных предводителей дворянства». Существует и областная дума — исполнительный орган, ответственный перед областным земским собранием и наместником. Одним из членов думы по должности становится областной митрополит, который может быть приглашен к императору для «общего доклада» с наместником и областным предводителем дворянства³⁶.

Верховное управление империей осуществляют четыре «главных органа царской самодержавной власти»: Государственный совет как орган законодательный (половину его состава образуют представители областей), рассматривающий все вопросы, за исключением экономических и финансовых; Народно-хозяйственный совет, в ведении которого находится финансово-экономическая жизнь страны; Сенат как административный орган, имеющий «задачей наблюдение над точным и неуклонным повсюду и всеми соблюдением закона»; Верховный кассационный суд — судебный орган³⁷.

Исполнительную власть обеспечивают управления (термин «министерство» упразднен как ассоциирующийся с бюрократическим прошлым). Большая казна унаследовала функции Государственного банка (ее отделения на местах вытеснили все частные банки), Державная казна — функции Министерства финансов. Счетная палата, Управление государственной безопасности, управления земледелия, промышленности и тор-

говли, наук и искусств, путей сообщения, почт, телеграфов и телефонов, народного здоровья, государственных имуществ и предприятий, а также военное, морское и внешних сношений — все эти структуры эффективно справляются со своими обязанностями³⁸.

«Самодержавие в его истинном *свободном* виде недробимо и неделимо, — делает вывод С.Ф.Шарапов. — Следовательно, Государь не может и не должен быть только вершиною бюрократической пирамиды. Он Самодержец, а не глава бюрократии. Под ним не *механизм* бумажного управления с передачей власти из рук в руки, но ряд живых *организмов* — самоуправляющиеся по данному им закону области... Мы признаем только *личное* самодержавие Царя, он один выше закона, все остальные подзаконны»³⁹.

Характерно, что в обществе будущего не существует ни гимназий, ни институтов, ни университетов. Начальное обучение является домашним: «...родители соединяются в кружки и приглашают к детям учителей по своему вкусу и выбору; затем те, кто желает учиться, ходит на приходские курсы», получая среднее образование. Существуют и высшие курсы, но все дипломы отменены: «Любой, мужчина или женщина, может вполне свободно учить, лечить, защищать на суде... Да кто же решится лечить, не зная медицины? Ведь за всякое шарлатанство установлена строжайшая ответственность! А если кто-нибудь лечит и лечит успешно, народ к нему идет, жалоб никто не заявляет, — так с какой же стати власть будет вмешиваться?»⁴⁰. Отметим, что буквально на следующей странице С. Шарапов сам себе противоречит: оказывается, чтобы занять место городского, земского или приходского врача, а также адвоката или преподавателя, соискатель «должен выдержать экзамен, и притом очень строгий»⁴¹.

Интересны суждения С.Ф. Шаропова об ответственности за печатное слово: «Книга, брошюра бесцензурна и совершенно свободна. Газета совсем другое дело. Газета есть общественная кафедра, есть формальная *власть*. На эту кафедру нельзя пускать первого встречного. Это *общественная должность*, а не частная профессия. Вот почему здесь требуется такой же публичный экзамен, как и для других общественных специальных служб»⁴².

Остро стоявший на рубеже XIX–XX вв. женский вопрос также разрешен в России будущего — разумеется, в духе традиционных ценностей и христианского благонравия. Вот что говорит герою «хорошенькая блондинка»: «Женский вопрос у нас заключается в том, чтобы честно и умело отдать свою руку и сердце порядочному человеку, не ошибиться в выборе и его не обмануть». Разводы даются юридически легко: «брак расторгает духовная власть по данным, добытым светским судом», но бракоразводные процессы являются большой редкостью⁴³.

В условиях, когда финансовые потрясения на Западе сделали Россию практически независимой от обязательств перед иностранным капиталом, реорганизация прихода означала нечто большее, чем просто удачную административную реформу. Обновленный приход восстановил соборность русского народа: «...тесно сплоченная православная организация в лице бесчисленных церковных общин» стала противовесом «всемогущему еврейскому кагалу». Обозначился перелом в «культурной борьбе» русского народа с чуждым влиянием; обретшие утраченную было пассионарность русские люди продемонстрировали всем национальным меньшинствам, всем этноконфессиональным группам истинный путь к величию и гармонии. Иудеи, мусульмане, протестанты, католики, вольно или невольно признавшие торжество «русского пути», стали массово переходить в православие. Альтернативой могла быть только эмиграция; иные варианты оказались невозможными благодаря мирному выдавливанию нерусских (читай — неправославных) элементов из хозяйственной жизни. Этот экономический прессинг выражался в двух формах: посредством четко организованного специально созданной в 1939 г. патриотической газетой «Святая Русь» бойкота производимых и продаваемых ими товаров, а также с помощью адресно выверенной приходской кредитной политики⁴⁴.

Герой С. Шарапова знакомится с представленными на Поместном соборе епископов Московской области проектами решения вопроса об инородцах. Один из предложенных вариантов предлагает допускать до крещения только тех из числа неправославных, «искренность обращения коих будет засвидетельствована приходским собранием уполномоченных и притом не ранее как через пять лет после заявленного о том ходатайства». В этом случае вся полнота прав членов прихода должна распространяться лишь на детей новообращенных христиан. Другая редакция законопроекта требовала от принимающих православную веру инородцев поручительства двух третей приходского общества⁴⁵. В лоно обновленной Русской православной церкви влились такие ее бывшие противники, как старообрядцы и поляки. Окончание церковного раскола и православизация Польши утвердили триумф идеи соборного единства России⁴⁶.

В 1930-е гг. Россия осуществила свою трехвековую мечту и овладела Константинополем, который, вслед за Киевом, Москвой и Петербургом, стал четвертой столицей великого государства. Характерно, что резиденцией имперского правительства является именно Киев, где находится и патриаршая кафедра⁴⁷. В состав России вошли Чехия, Венгрия, Болгария, Сербо-Хорватия, Румыния, Греция. До того европейские страны «во главе с Германией» разделили Китай; Россия заняла в отношении Китая позицию дружественного нейтралитета, тайно разрешив своим офицерам помогать китайцам в их антиколониальной борьбе. Внешнеполитическая

ситуация завершилась военным конфликтом: Россия и Франция победили Германию и Австро-Венгрию. Англия воздержалась от каких-либо действий; к России отошла вся территория бывшей Речи Посполитой, Франция же получила Эльзас и Лотарингию⁴⁸.

С.Ф. Шарапов, выполнивший, по собственному признанию, «почти треть намеченного», так и оставил свой роман незавершенным и уже хотя бы поэтому уступил в битве за создание панорамы грядущего ненавистному американцу Беллами, который, словно предвидя, какой резонанс вызовет издание в Петербурге его книги «Через сто лет», миролюбиво подытожил в предисловии, написанном будто бы в 2000 г.: «Мне кажется, что для смелых гаданий о человеческом развитии в последующее тысячелетие нигде не найдется более прочной основы, как в ретроспективном взгляде на прогресс последнего столетия»⁴⁹.

¹ Политические партии России. Конец XIX – 1-я треть XX в.: Энциклопедия. М., 1996.

² См.: *Степанов С.А.* Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992.

³ См. об этом: *Суворин А.С.* Дневник. М., 1992. С. 208.

⁴ См.: *Конягин М.Ю.* Шараповские затеи // Былое. 1995. № 4; *Он же.* «Россию ожидает неминуемая финансовая катастрофа»: Записка С.Ф. Шарапова, поданная на Высочайшее имя // Источник. 1996. № 4.

⁵ Вестник Союза русского народа. 1910. 11 февр.

⁶ *Шарапов С.Ф.* Неопознанный гений: Памяти Н.П. Гилярова-Платонова // Шарапов С.Ф. Сочинения. Т. 8. М., 1902. С. 85.

⁷ См.: Правые партии, 1905–1917: Документы и материалы. В 2 т. Т. 1.: (1905–1910). С. 670.

⁸ См.: *Ольденбург С.С.* Царствование императора Николая II. М., 1992. С. 77.

⁹ См. подробнее: *Конягин М.Ю.* Воззрения С.Ф. Шарапова на кредитно-финансовую систему России. М., 1995. Деп. в ИНИОН РАН 03.07.1995, № 50564.

¹⁰ См.: *Суворин А.С.* Дневник. М., 1992. С.340–341.

¹¹ См.: Правые партии: В 2 т. Т. 1. С. 8.

¹² *Гангелн Р.Ш.* Российское самодержавие в 1905 году: Реформы и революция. СПб., 1991. С. 180.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: Правые партии. Т. 1. С. 670.

¹⁵ См.: *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 3. М., 1960. С. 209.

¹⁶ Там же. С. 385.

¹⁷ См.: Правые партии. Т. 1. С. 670.

¹⁸ См.: Там же. С.211, 227.

¹⁹ Там же. С. 670.

²⁰ Труды V Съезда уполномоченных дворянских обществ 32 губерний. СПб., 1909. С. 51.

²¹ Там же. С. 177.

²² См.: Там же. С.327–329.

- ²³ См.: *Шарапов С.Ф.* Через полвека: Фантастический политико-социальный роман // *Шарапов С.Ф. Соч. Т. 8. М., 1902; Семенов Л.* (псевдоним С. Шарапова). Диктатор: Политическая фантазия. М., 1907; *Он же.* Иванов 16-й и Соколов 18-й. М., 1907; *Он же.* У очага хищений. М., 1907; *Он же.* Кабинет диктатора. СПб., 1909.
- ²⁴ См.: *Бугров В.И.* 1000 ликов мечты: О фантастике всерьез и с улыбкой. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1988. С. 131.
- ²⁵ *Шарапов С.Ф.* Через полвека... С. 3–4.
- ²⁶ Там же. С. 13.
- ²⁷ Там же. С. 33, 34.
- ²⁸ См.: Там же. С. 34, 35.
- ²⁹ Там же. С. 61.
- ³⁰ Там же. С. 60.
- ³¹ Там же. С. 18.
- ³² Там же. С. 28, 36.
- ³³ См.: Там же. С. 24, 31–33.
- ³⁴ См.: Там же. С. 32.
- ³⁵ Там же. С. 62.
- ³⁶ См.: Там же. С. 62, 63.
- ³⁷ См.: Там же. С. 64, 65.
- ³⁸ См.: Там же. С. 63, 64.
- ³⁹ Там же. С. 68, 69.
- ⁴⁰ Там же. С. 46, 47.
- ⁴¹ Там же. С. 48.
- ⁴² Там же. С. 47, 48.
- ⁴³ См.: Там же. С. 49, 50.
- ⁴⁴ См.: Там же. С. 36.
- ⁴⁵ См.: Там же. С. 37.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 69–79.
- ⁴⁷ См.: Там же. С. 77.
- ⁴⁸ См.: Там же. С. 50–59.
- ⁴⁹ *Беллами Э.* Через сто лет: Фантастический роман. СПб., 1889. С. III.